

4. ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПЛОСКОГОРЬЕ

24 октября д-р Юсуф Абдалла, вице-директор ГОАЛ, предоставил мне возможность посетить памятник, недавно открытый йеменскими исследователями неподалеку от Бейт Мигали в области Райда.

Поездка подкрепила гипотезу, которую я выдвинул за несколько дней до этого, после знакомства с материалом, происходящим с указанного памятника (бронзовые кувшины, керамика, бусы) и хранящемся в Университете Сана. Это был погребальный инвентарь эпохи йеменского бронзового века.

Мадина Ваха'ис — поселение, относящееся к той же культуре бронзового века, что была открыта Итальянской археологической миссией в 1981 г. в Хаулан ат-Тиййале. Заслуживают внимания два главных достоинства поселения: его размеры, которые превышают все подобные поселения в Хаулане, и наличие неподалеку от поселения некрополя того же времени.

Приведенные выше данные подтверждают наши предложения рассматривать культуру Хаулана только как часть более крупного феномена, чей центр должен быть обнаружен в северной части Йеменского нагорья. Эти материалы впервые дают нам возможность сравнить эту йеменскую культуру с другими, не йеменскими культурами: документальные свидетельства из подземных гробниц в Мадинат Баха'ас находят, насколько мы можем судить по только что осмотренным экземплярам, прямые аналогии в палестинских погребальных обычаях (Иерихон, Тел ал-Аггул, Баб ад-Дара и др.) так называемого «промежуточного раннебронзового — среднебронзового века», датируемого последними веками III тыс. до н.э.

Мадинат Баха'ис, таким образом, важен не только потому, что представляет собой первое поселение, обнаруженное в центральной области культуры йеменского бронзового века, но и потому, что показывает, как продолжение исследования этой культуры может помочь пониманию широко дискутируемых исторических и археологических проблем (хананеи или аморреи?), касающихся культур бронзового века всего древнего Ближнего Востока.

A. de Mèze

Этот первый сезон раскопок проходил с 30 декабря 1989 по 25 января 1990 г. В работах кроме директора древностей Мариба Мухаммада ал-'Иззи и группы из пяти сотрудников Управления древностей, проходивших практику, участвовали следующие эксперты с итальянской стороны: автор этих строк, археологи Марио Ливерани и Сабина Антонини, эпиграфисты Герардо Ньюли и Кристиан Робэн, архитекторы Эдуардо Гатти и Винченцо Лабианка, топограф Марио Машелланч, чертежница Патриция Смит, геологи Бруно Марколонго и Винченцо Франковилья, биоархеолог Лоренцо Константини, геофизик Франко Бранкслеони, фотограф Антонио Солацци и студентка-практикантка Роника Риччи.

Раскопки, проводившиеся на площади 16×15 м, обнаружили значительное каменное культовое сооружение из известняка (храм А), состоящее из больших монолитных квадратных в сечении пилястров, высотой около 4 м, окруженных стеной высотой более 6 м и увенчанной сложным каменным фризом, сохранившимся в центральной части храма до самого верха. Многоколонное прямоугольное сооружение (12×11 м) покоилось на основании высотой в 1,3 м, различном снаружи благодаря повышающимся выступам рядов кладки основания наружной стены. Ориентированный углами по четырем сторонам света, храм имел главный вход с северо-запада, обрамленный двумя высокими основаниями арки, свидетельствующими, вероятно, о наличии монументальной лестницы. От нее идет центральный неф, выстланный большими квадратными известняковыми плитами и окаймленный двумя рядами пилястров, по три в ряд, и ведущий в глубине к возвышающейся целле, которая обрамлена двумя основаниями арок из квадратных блоков, прислоненных к каменной стене и опирающихся на нее. На уровне, слегка возвышающемся над центральным нефом, расположены четыре боковых нефа, по два с каждой стороны. Они несколько уже, чем центральный неф, отделены еще двумя рядами, включающими по три монолитных пилястра, и ограничены снаружи окружной стеной.

Ближе к задней части храма четыре боковых нефа теряют свое разделение из-за отсутствия пилястров, которые бы соответствовали тем, что обрамляют центральную целлу, и превращаются в два просторных квадратных помещения, от середины поднимающиеся вглубь, создавая как бы боковые целлы. Обводная стена составлена двумя рядами прекрасных отесанных больших блоков, соединенных гипсовым заполнением и украшенных слабыми насечками по полированному карнизу. Она прерывается вторыми дверьми, много меньшими по размеру, чем первые, с юго-западной стороны храма.

Двери, сохранившиеся почти до архитрава, возвышаются над маленькой наружной платформой и узкой лестницей, ведущей к западному углу здания. Дверь открывается в помещение, ограниченное с юго-востока стеной, которая закрывает пространство за первыми пилястрами двух правых нефов. В пространстве, ограниченном первым и вторым пилястром, как и в двух левых нефках, обнаружены симметрично расположенные поперек них два трапезных места. Они состоят из закрепленных каменных скамеек, окружающих два длинных тяжелых монолитных стола, каждый из которых состоит из трех плоских квадратных блоков, врытых в плиты пола.

Часть стола, обращенная к центру храма, украшена стилизованными головами горных козлов, а видимая сторона внутренней правой опоры стола содержит длинную надпись.

Кровля храма частично сохранилась и состоит из тяжелого основного фриза из длинных блоков (около 4,5 м), формой и украшениями похожих на пилястры и опирающихся, параллельно оси здания, на такие же средние пилястры, закрепленные в камне.

Второй, более плотный, но менее тяжелый вторичный фриз опирается на основные балки и на наружную стену. Метопы, украшенные мотивом зубчиков, заполняют регулярные интервалы между балками и на поворотах между плитами, скрепленные гипсом, составляют, наконец, верхнее завершение кровли. Гипотетическая реконструкция, основанная на изучении различных сохранившихся архитектурных деталей, по-видимому, показывает, что крыша опущена весьма глубоко относительно трех помещений храма. Вертикальное пространство, образуемое разницей между двумя уровнями, видимо, создавало отверстие, служившее для освещения и вентиляции здания.

Храм находится в нескольких метрах от городской стены, и тяжесть наслоений мусульманской эпохи, постепенно скопившихся вдоль нее, создала значительное давление в направлении внутренней части города, медленно и неотвратимо наклоняя в том же направлении все сооружение храма. В результате этого многие пилястры были сломаны или наклонены до крайнего предела устойчивости. Раскопки внутреннего пространства храма пришлось временно приостановить до осуществления комплекса реставрационных работ.

Эти работы были продолжены у внешнего пространства храма, между ним и окружной стеной, позволило облегчить давление на его конструкции, а также изучить стратиграфию как исламских, так и маинских слоев.

Анализ обнаруженной керамики позволяет датировать мусульманский период обитания (слои А—С) временем XII—XVII вв. Ему предшествует естественное заполнение, указывающее на долгий период заброшенности (от Рождества Христова до XII в.), в ниже находится собственно маинский период (слой Д), относящийся ко времени использования храма.

Что же касается до эпохи строительства городской стены, то раскопки обнаружили массивную внутреннюю стену и лестницу, которая поднимается в направлении одной из башен окружной стены. В пространстве между стеной и храмом находятся сооружения из камней неправильной формы, два из них — помещения, прилегающие к храму, в которых были найдены многочисленные предметы, в том числе фрагменты надписей на камне, красивая женская голова из гипса, две курильницы с надписями, два ожерелья (одно золотое, другое из стеклянной пасты с двойным изображением человеческого лица — краской и углем), кости животных, керамический бой.

Изучение этих сооружений позволило выделить в слое Д по меньшей мере четыре периода, более точная датировка которых будет возможна в результате радиоуглеродного анализа. Керамика же, как кажется, указывает на датировку времени использования храма второй половиной I тыс. до н.э.

Надписи, исследованные в полевых условиях профессором Герардо Ньюли, с палеографической точки зрения подтверждают, как представляется, эту датировку. Текст, вырезанный на блоке, поддерживающем жертвенник левого стола во внутренней части храма, оказался особенно интересным, ибо свидетельствует о том, что храм посвящен Накрахе, божеству-покровителю Йатилия.

Тип гипостильного храма известен в Южной Аравии и за пределами Джауфа, в Хадрамауте, где раскопанные (Хурайда) и раскапываемые (Райбун) памятники, по-видимому, на несколько веков старше. В целом, однако, прямые стилистические параллели и прямых культурных предшественников в других районах древнего Ближнего Востока обнаружить трудно (Египет?).

Храм Накраха, без сомнения — самый внушительный из всех известных нам, являет собой образец значительной художественной оригинальности. Раскопки позволили выделить его различные структурные особенности и характерные конструктивные элементы. Прекрасная сохранность и тип архитектуры, состоящей исключительно из квадратных элементов, ровно составленных и соединенных, делают его прекрасным образцом творческой силы маинской цивилизации. Он представляет собой конкретное и весомое свидетельство художественного потенциала, который, на наш взгляд, достоин быть прямо сопоставленным с современными ему великими творениями Сирии, Палестины, Египта и Месопотамии.

Однако история Йатилия более продолжительна, чем та, на которую указывают раскопки, проведенные в этом сезоне. Два шурфа, заложенные снаружи и позади храма (Ф. Бранколеоне, В. Франковилья) показали, что маинский слой (Д) лежит на других более ранних слоях, общая толщина которых превышает 7,5 м. Различные фрагменты керамики, происходящей из шурфов, ясно показывают, что почти все ранние слои относятся к сабейскому периоду. Большая толщина глубинных слоев, суть археологической природы «телля» Баракниш, указывает на то значение, которое Йатиль имел в сабейский период; это, в свою очередь, почти полностью совпадает со сведениями, содержащимися в южноаравийских эпиграфических памятниках.

Одновременно с раскопками продолжались работы по палеоэкологической реконструкции вокруг Баракиша (Б. Марколонго). Были обнаружены четыре различные системы орошения, выделяемые по размерам ориентации полей, по архитектурно-техническим чертам гидравлических сооружений (плотины, шлюзы и т.д.). На основе

изучения найденных надписей (Г. Ньюли) можно предположить, что эти системы были соответственно связаны с современными им различными периодами обитания городища — сабейским, майнским, и исламским (две системы).

А. де Мэгре